

Разменяв девятый десяток лет,
Николай Воронов написал «Записки деда»

ЖЕЛАНИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ЛЕВ ТОЛСТОЙ мечтал написать литературное произведение о младенце, но не успел.

Его желание выполнил Николай Воронов. Наш замечательный земляк, живой классик русской литературы, автор «Юности в Железнодорожском», главный редактор журнала «Вестник Российской литературы» написал прекрасную повесть «Приговоренный Флерушка». Это записки деда о появлении на свет зимой 1989 года внука Александра Алексеевича Флерова, который «родился недоношенным, незрелым, на восьмом месяце». Его маму, дочь Николая Павловича, «изнуряла беременность: температура, рвоты, немоты. Дабы не случился выкидыш, ее клали в клинику для сохранения плода».

В записках счастливого и тревожащегося деда его стихи, которые «пришли вкрадчиво — в осуществление зыбвшегося в сердце из дня в день желания»:

*Родился новый человек.
А родила Ирина.
Вихрился вьюги хрупкий снег.
Сияла солнца льдина.
Был назван ласково Саньком
Глазастенький малец.
Летал, а не ходил нешком
Его гигант отец.*

*Хоть внук чуть больше
рукавицы,
Он застил предкам целый свет.
Свистели радостно синицы:
Младенец мил лицом, как дед.*

Но радость рождения сменилась страхом от установленного и подтвержденного диагноза: мальчик — гидроцефал. На помощь пришла друг семьи гомеопат Лилия Викторовна Володина, которую Вороновы считали великой целительницей. Она успокоила переполошившихся родителей:

— Тургенев, кстати, Иван Сер-

ФОТО ДМИТРИЯ РУХМАЛЕВА

Приезжая в Магнитку, он всегда встречается с юными дарованиями

геевич, мерило нашей благородной литературы, ее нравственный эталон, тоже был гидроцефалом. На поверку из классиков он — самый здоровый, самый красивый, самый образованный. Уже убежденный сединой, он изучил испанский, дабы переписываться с матерью и братом Полины Виардо. Гидроцефалия не ослабила его работоспособности и жизнелюбия. За всю земную историю, чему не прекращая поражаться, мозг Тургенева имел самый большой вес и объем, чем у кого-либо из человечества.

Повесть о том, как выхаживали «приговоренного Флерушку», читается на одном дыхании. Завораживает кристально родниковый язык, которым талантливейший мастер прозы искренне выражает свои мужские родственные чувства. «Записки деда» — это ода материнству, гимн женщине, поэма о семье и ее ценностях. Самое удивительное, что автор написал их, разменяв девятый десяток лет.

Мне посчастливилось быть в Москве на юбилейном вечере Николая Павловича. Тронут тост «пригово-

ренного Флерушки», написавшего к 80-летию любимого деда песню на стихи Владимира Маяковского. Саша учится на физмате МГУ, сочиняет музыку и хорошо поет, пишет стихи и прозу. Дед несказанно радуется его успехам.

Рукопись новой повести Николай Павлович передал мне в январе нынешнего года, когда он в очередной раз приезжал в город своей юности. Повод снова встретиться с родной Магниткой был весомый: ему присвоили звание почетного профессора Магнитогорского государственного

университета. Отметив с ним это событие французским коньяком, мы поговорили за сегодняшнюю жизнь, о том, куда течет российская литература.

О своих «Записках деда» он сказал:

— Я их долго вынашивал. Как-то вычитал, что Лев Толстой мечтал написать о младенце. Не успел. Я выполнил его стремление, отчего безмерно счастлив.

— Что для вас Магнитка? — спросил я.

— Это моя духовная опора. В Переделкине я одиночествовую, а в Магнитогорске набираюсь новых творческих сил и вдохновения. Какое огромное счастье, что судьба моя попала в притяжение Магнитки и Атач-горы...

Аксакал российской литературы говорит, что не ощущает своего возраста, по-прежнему молод душой и полон творческих планов. Он завершает работу над мемуарами о второй половине двадцатого века, о годах сильнейшего идеологического прессинга, когда донести до читателей правду жизни было невероятно сложно. Написано уже свыше тысячи страниц.

Желаю дорогому Николаю Павловичу, считающему меня своим другом, крепкого здоровья, неистребимого духа и писательского долголетия. Пусть осуществляются все его писательские замыслы и допишется недописанное.

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ,
член-корреспондент
Академии литературы
Российской Федерации.

P. S. Повесть «Приговоренный Флерушка» будет издана отдельной книгой в серии «Литература Магнитки. Контекст», выпускаемой под патронажем редакции газеты «Магнитогорский металл».

Солнышко в женской душе

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

МАТЬ ИРИНЫ, Татьяна Петровна, ездила за продуктами в Москву.

Едва узнала о том, что дочь в родильном доме, запереживала: не напонила ей, чтобы ребеночка сразу принесли в палату, — покормит, промочит глазки грудным молоком и молоком же с помощью ватки протрет все тельце.

Молоко матери целебно: глазки не загноятся, сыпь нигде не возникнет, самое важное — немедленное кормление грудью создаст иммунную прочность организма. По собственному опыту Татьяна Петровна все это знала. Акушерка Люба, ее соученица по школе, после родов мигом принесла Ирину, и дочка росла здоровенькой.

Та же Люба, еще в пору беременности, посоветовала Татьяне грызть семечки подсолнечника, и девочка появилась на редкость белянкой; другие матери выкатывали младенцев сукровично-красненькими, не быстро удавалось изыграть эту неприятную красоту.

За последнее десятилетие горестно укреплялась детская смертность, о чем моя жена Татьяна Петровна часто слыхала в учительской среде. Несчастные матери страдальчески связывали это с тем, что младенцев им по два-три дня не приносят на кормление. Сие новомодное установление снижало защитные силы младенцев, они заходились плачем в эти дни, и потому на корню расклостывалась их нервная система. В

санатории «Марциальные воды», где Татьяна Петровна лечилась от железодефицитной анемии, она познакомилась с женщиной, занимавшейся иммуногенетикой, и та ей рассказала, что в науке и практической медицине идет борьба против навязанной методы, якобы исходящей от академиков. Отлучение новорожденных от материнской груди на два-три дня придумано для подрыва младенцев и роженцев: упыринное вмешательство в эволюцию, направленное на истребление народа.

И хотя Татьяна Петровна толмила об этом дочери, она переживала, как бы Ирина не проявила слабость. На ее записку, приложенную к передаче, дочь ответила, что будто бы все хорошо, дабы не распылять материнского волнения. На самом деле, как ни требовала Ирина, вставать она еще не могла, Саню принесли на кормление лишь через два дня. Лера, к ней Ирина прониклась доверием, на ее слезные просьбы, почему ребенка не приносят, тускло отшучивалась, извещая, мол, в справочном бюро. Леру заботило, чтобы Ирина сцезивала молоко, но она отказывалась сцезивать или сцезивала неохотно. Только разок, точно бы вскользь, наклонясь над Ириной, Лера шепнула, что имеется же убеждение: младенца отрывают от матери ради очищения его желудка от внутриутробных шлаков. В разговоре со мной сквозь окна, — я вставал на раскладной стул, — Ирина призналась, что ничего в груди не чувствует, и я обеспокоился, как бы дочку не

сграбастала грудница. В момент кормления у Ирины обнаружился жар: титки затвердели и отзвонились болью на приникании сыночка. Сестра, которая принесла Саню на кормление, похвалила его: спокойный малютка. Сосал он мало: миг и заснул. Было жалко будить роднулю, да и страшило расставание с пронзительно-укромной обособленностью: она и дитя одни во всем мире. И другое странное чувство охватывало: до нее никто не был матерью на земле, а дева Мария родила Иисуса Христа на небесах. Самой ей не хотелось спать. Бодрствование не угнетало, навесило праздничность, сходную с той, когда ночью стоишь перед елью, наряженной игрушками, и по ней от вершины к сугробу совершается пробежка электрической пестроты. Подчас грезилась то ли наяву, то ли от заморочи воплощения ее отдельности с Александром: ты — планета, он — спутник, ты — звезда, он — планета.

О своих миражных чувствованиях, они смущали ее, казались несуразными, она писала нам, бабушке с дедом, словно мы перестали быть ее родителями. Я хранил ее записки, но у меня нелепая планида: тщательно, до жадности оберегаемое, исчезает. Трясая над тетрадкой о голубях, которых подкармливал у себя в доме на Тропаревском холме, — испарилась. Впрочем, главное содержимое записок запомнил, пусть они и не столь утонченны. Жаль, в материнстве есть что-то ускользающее непередаваемое, чего никому на свете не удалось выразить прозой.

Больше недели моя Татьяна не выдерживала в родильном доме. И нашу дочку с внуком мы ожидали так же. Ирина запросто начала подходить к окну, но Саню почему-то не подносила. Она вроде не изменилась, правда, несообразные иллюзии прекратились, однако возникали какие-то торможения в боковых приспусках век, словно она уклоняла свой лучистый взор (деторождение явно зажигает солнышко в женской душе) от наших искательных глаз. Неразумно, а родительские глаза выискивают во взрослых детях заботу, чтобы без промедления бросится помогать, увещевать, спасать. Да-да, в ней прибавилась забота, знать которую нам не нужно, по крайней мере, мне. И вовсе неожиданностью было сообщение, что ее хотят оставить в больнице на недельку. Она сказала об этом якобы бестревожно. Ее скрытность выдало приспускание век. И тут же случился невероятный вызов: Татьяну Петровну пригласили к себе заведующая родильным отделением. Медки еще самоуверенней, чем политики, знают все обо всем, кем и чем заняты. И вдруг проявление небессомненности: вызов для совета. Ирина вроде бы оклемалась после родов. Значит, Саня? Почему не подносит к окну? В глаз не верит. Бойтесь застудить? Нет между рамами ни щелки. Сигналы неблагоприятия докатывали оттуда, где дочка и внук. Но от кого? Ведь глупость: мать и дитя нераздельны. И если я теленатирную, то на них, конечно, обоих.

Ждал Татьяну, чуть ли не зады-

хаясь от волнения. Возвратилась в настроении. Чего-чего, а волевой бодрости в ней предостаточно и от природы, и от учительского владения своим состоянием, каким бы сокрушительным оно ни было. Есть закавыка. Мастит целиком не устранен. Малыш недоспел, вяленький, неохотно сосет. Кормиться маменьким молочком — активный инстинкт, даже неукротимый, но его необходимо подстегивать в недоношенном ребеночке. И сцезивать, сцезивать молочко, иначе грудь придется резать.

Меня возмутило хирургическое намерение заведующей. Помнилось, что при мастите у Татьяны я делал ей мазевые повязки, обволакивал грудь пуховой шалью, давал противопопалительное лекарство. Что касается Ирины, моя горячность Татьяну не тронула. Больница экспериментальная, кроме обычных средств применяют аппаратуру. Тем не менее, хирургия называется как вынужденная мера. Закавыка устранится без осложнений, если Ирина останется в больнице на неделю. Ирина не соглашается ни в какую — и все. Она домом бредила.

Бывало, уедешь куда-нибудь, усиливается чувство дома. В роддоме куда круче усиливается это чувство. Верно, грудница не единственное, из-за чего намерены позадергать Ирину: хотя пообследовать Сашу. Заведующая рассчитывала приобщить Татьяну Петровну к собственному влиянию, но не нашла поддержки. Я склонился к убеждению жены, отстранившейся от вмешательства: никто проникновенней матери не ведает того, что необходимо ей и младенцу.

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ.